

Бочаров

До начала смены еще больше часа, но Бочаров, уже одетый, сидит за столом, пьет чай, макая куски булки в тарелку со сметаной. Напротив него, в халате, наброшенном поверх ночной рубашки, с распущенными до плеч волосами сидит его жена. Она тоже пьет чай, но только с печеньем.

В доме просторно и тепло. Тикают ходики, над чашками поднимается парок, а на улице падает мелкий дождь, психует ветер и жалобно мяукает забытая кем-то кошка.

Пьют чай, как обычно, молча, глядя каждый в свою чашку, и лишь когда особенно сильный порыв ветра трясет на крыше соседнего дома лист железа, на миг смотрят в окно.

— Интересно, — неожиданно говорит Бочаров, мельком взглянув на жену, — почему человек свою жизнь сравнивает с жизнью только тех, кто лучше его живет, а не наоборот? А?

Та морщит чистый лоб, помолчав минуту-другую, веско роняет:

— На то он и человек... К тому же, — откусывает кусочек печенья, — сравнение, если вдуматься, одно из разновидностей того, что движет прогресс. А ты с чего это спросил?

— Суматохин вчера вечером заходил.

— Денег занять? — то ли спрашивает, то ли подтверждает она.

Он хмыкает:

— А то зачем же еще?

— Дал?

— Дал. Он вовремя возвращает.

— Вовремя, — она согласно кивает.

— Так вот, — продолжает он, отламывая кусок от батона. — Зашел. Глазами своими поросычьими позыркал, запел, мол, хорошо живете, Семен Аркадьевич, богато...

— Богато жить не запретишь, — говорит она и добавляет — Это у него вроде предисловия к главному...

Он согласно кивает:

— Вот именно.

— А кто ему мешает жить богато? — фыркает она. — Он тоже не бедно живет, — замечает он.

— Тогда какого лешего ходит? — она недоуменно поводит плечами.

— Денег занять — это просто повод. Главное — посмотреть, не обзавелись ли мы еще чем-нибудь...

— А-а...

Она замолкает.

— Любопытно все-таки жизнь устроена, — снова говорит он, наполняя чашку чаем. — Любопытно, я тебе скажу. Вот спроси у меня — кому я нужен? И я тебе отвечу — только тем, кому должен, и тем, кто хочет у меня занять. Я имею в виду не семью как ячейку общества. Отнюдь. Я имею в виду отношения между ячейками и каждого человека в отдельности... — он потер небритый подбородок. — Слушай! А в этом есть какая-то сермяжная правда. Как ты считаешь?

— Подумать надо, — неторопливо говорит она, кладя в чашку сахар, — чего с бухты-барахты...

Снова замолкают. Молчат долго. Неожиданно Бочаров хмыкает, качает головой.

— Ты чего? — она вскидывает брови.

— Да я все о человеке, — говорит он, отхлебывая из чашки. — Все сравнивает, сравнивает, а то, дурень, понять не может, что чем больше у человека есть — тем он жадней. А жадный — он и есть жадный со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вот ты тут говорила «прогресс», он отодвигает чашку

Ну, говорила.

— А мне думается, что прогресс, он не к добру.

— С чего ты это взял?! — восклицает она.

— А ты послушай да прикинь. Я об этом давно думал. Интересная, я тебе скажу, штука получается. Прогресс он что — он улучшает условия труда. Так?

— Так, — соглашается она и подпирает щеки ладонями.

— Повышает заработную плату... Не перебивай, — морщится он, видя, что она хочет что-то сказать. — У человека, естественно, образуется избыток лишнего времени, физических сил. А девать-то их и некуда. Придумали строить дачи. Хорошо. Предположим, что человек построил себе дачу, купил машину. Что дальше? Прогресс-то не остановишь. Что получается? А получается тупик! А тупики человека бесят. Человек есть человек, он на достигнутом никогда не остановится — это прописная истина. Теперь? — он поерзал на стуле,

посмотрел на часы. — Теперь прогресс требует знаний. Однако, если верить философам, «во многой мудрости много печали». Одним словом, прогресс губит в человеке то, что приобрел он, живя при более тяжелых условиях: доброту, желание общаться друг с другом и так далее, а наградил двумя: «мне» и «мое». Так-то... А ты говоришь, — обронил он, хотя она молчала. — Необратимый процесс...

— Ну и что ты предлагаешь? — спросила она.

— А ничего, — он пожал плечами. — Я просто констатирую то, что вижу, — он глубоко вздохнул, посмотрел на часы... — На работу пора, — и удивленно: — А ты чего сидишь?!

— Тебя слушала.

— Можно одеваться и слушать! — вспыхнул он.

— Да я быстро.

— Знаю я твое «быстро», — усмехнулся он, доставая из кармана пиджака папиросы.

— Мог бы и на улицу выйти, — заметила она, надевая платье. — Все вещи табаком провоняли.

— Что ж, мне перед этими деревяшками на цырлах стоять? — разозлился он. — Провоняют — другие купим.

— Купим, — передразнила она, расчесывая волосы перед трюмо. — Сыну денег жалеет, а тут — купим.

— Он стипендию получает, — раздраженно проговорил он, стряхивая лепел в чашку. — Вот пускай на нее и живет, как все. Избыток денег вредит. При деньгах не столько об учебе будет думать, сколько о девчонках. Получит диплом — тогда пожалуйста. Да и то еще посмотрю, какие оценки в нем, а то кукиш без масла. Учиться — значит учиться. Нет — значит, нет... Одедась?

— Одедась, — она вышла из спальни, на ходу закалывая волосы. — И все-таки надо выслать. Хоть немного.

— Тьфу ты! — он чертыхнулся. — Любить — тоже надо знать меру. А то не любовь получается, а патока.

— Ты это чего сегодня?! — она удивленно посмотрела на него. — То в философию ударился, то в воспитание... Живешь, так и живи себе на здоровье. Мир все равно уже не переделаешь, раз прогресс скорость набрал...

— А и на самом деле, чего это я? — он растерянно «улыбнулся», провел ладонью по ершистой голове. — Старею, видать.

— Думать надо меньше, — наставительно заметила она, надевая сапожки. — До того, что ты тут думаешь, никому дела нет. Ну, кто ты такой? Ты рабочий высокой квалификации и все... Тебя на симпозиум не пригласят. И твое «да» просто-напросто никто не услышит за тысячами «нет»... Впрочем, и наоборот — тоже. Сам же говорил — каждый сам по себе... Ячейкой... Ладно. Пошли.

Дождь перестал, когда они вышли на улицу, но ветер по-прежнему не мог успокоиться. Носился по улице, дворам, закоулкам, яростный и холодный. Забирался в рукава плащей, прижимался к телу, словно старался согреться...

Шли рядом, старательно обходя лужи, в которых плавали листья и лежала грязь.

— Ладно, — через некоторое время проговорил он, — Вышли сотню, но не больше. На бланке перевода напиши, что если и вышлем еще, то только через пару месяцев. На пиши, что я его целую.

— Хорошо, — она улыбнулась и, как было издавна принято, на миг прижалась к нему всем телом и пошла, помахивая сумочкой, в сторону автобусной остановки, на которой, повернувшись спинами к ветру, раскрыв над собой зонты, стояли люди.

Бочаров проводил ее долгим взглядом, сунул руки в карманы и пошел своей дорогой.